

ПАНОРАМА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

ОТ СРЕДЫ ДО СРЕДЫ

«Две неосуществимые, страстные и прекрасные мечты мои делают жизнь мою человеческой, а не животной. Одну зовут Наталья. Другую — Воля», — писал в своем дневнике Петр Кузнецов, крепостной графов Строгановых. Через полтора столетия этот дневник попал в руки к его правнучке Агнии Кузнецовой, известному прозаику, лауреату Государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской, и послужил ей материалом для повести «Под бурями судьбы жестокой...», увидевшей свет три года назад. В повести о дворовом человеке, натуре одаренной, рисовальщике, врачевателе, есть несколько глав, изображающих Наталью Николаевну Пушкину, которую Петр Кузнецов полюбил, как говорят, с первого взгляда и на всю жизнь. В отличие от многих своих современников, обвинявших жену великого поэта в его трагической гибели, этот крепостной не очернил ни тенью подозрения, ни самым малым сомнением светлый облик той, к которой питал безнадежно грустное и прекрасное чувство. Видимо, восхищение прадеда Петра Кузнецова Натальей Николаевной передается его правнучке Агнии Кузнецовой. Огромной симпатией к жене Пушкина пронизаны страницы ее новой книги «А душу твою люблю...». Повесть о Наталье Николаевне Пушкиной. Подлинные письма и факты. Предположения. Раздумья», которая напечатана в февральском номере журнала «Октябрь».

Как возник замысел книги? Как она создавалась?

Рассказывает Агния Кузнецова.

— Когда я работала над предыдущей повестью — «Под бурями судьбы жестокой...», то, естественно, обращалась не только к дневникам моих предков — прапрадеда, прадеда и деда, но и к архивным документам, к письмам Пушкина, к материалам, касающимся Натальи Николаевны. Тогда впервые я задала себе вопрос: что же представляла собой жена поэта? Все мы воспитаны были на весьма определенном отношении к ней: легкомысленная красавица, любительница балов и прочих светских увеселений. Именно такой представлялась она и во многих художественных произведениях, и в литературоведческих работах.

Почему-то не прислушивались к Пушкину, самому главному свидетелю на этом беспощадном суде людской молвы, над дорогим для него человеком. Ему, гению, выбравшему ее подругой своей жизни, не верили. Не верили таким его известным словам из письма жене: «...С твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, — а душу твою люблю я еще более твоего лица». А тогда Наталья Ивановна (уже 4 года, как Пушкин был женат) он писал: «Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед богом». Не верили почему-то умирающему Пушкину (он словно бы предугадывал и будущую несправедливую немилость к своей «женке», к своей

Мадоне: «Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть в мнении людском». А ведь он и раньше жаловался своей приятельнице Осиповой: «...С огорчением вижу, что моя бедная Наталья стала мишенью для ненависти света».

Несколько лет назад были обнаружены очень интересные материалы, опровергающие сложившуюся версию о Наталье Николаевне, которая до самой смерти — и после гибели Пушкина, и тогда, когда стала Ланской, любящей матерью семейных детей и бабушкой, — находилась под постоянным прицельным оком недоброжелателей. То страшное, жестокое, что было возведено на Наталью Николаевну, огромной тяжестью, думается, легло и на ее детей — детей Пушкина.

ЗА СТРОКОЙ КНИГИ

Агния

КУЗНЕЦОВА:

«ЧИСТЕЙШЕЙ ПРЕЛЕСТИ ЧИСТЕЙШИЙ ОБРАЗЕЦ»

Такие замечательные книги, как «Вокруг Пушкина» и «После смерти Пушкина» И. Ободовской и М. Дементьева, основанные на архивах Гончаровых и Араповой — дочери Натальи Николаевны и Ланского, открыли очень много нового для понимания характера, личности Натальи Николаевны. Могла ли бессердечная, пустая, мечтающая лишь о праздных утехх женщина написать подобное письмо (брату Дмитрию):

«Я тебе откровенно признаюсь, что мы в таком бедственном положении, что бывают дни, когда я не знаю, как вести дом, голова у меня идет кругом. Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен... Мой муж дал мне столько доказательств своей деликатности и бескорыстия, что будет совершенно справедливо, если я со своей стороны постараюсь облегчить его положение; по крайней мере содержание, которое ты мне назначишь, пойдет на детей, а это уже благородная цель. Я прошу у тебя этого одолжения без ведома моего мужа, потому что если бы он знал об этом, то, несмотря на стесненные обстоятельства, в которых он находится, он помешал бы мне это сделать».

Это письмо — свидетельство и любви Натальи Николаевны к Пушкину, и ее душевной тонкости, чуткости. Считали, что она не интересовалась делами мужа, была далека от его литературных забот, но в царскосельском доме, где молодая чета Пушкиных поселилась, уехав из Москвы, и где ныне открыт музей, хранится переписанный рукой Натальи Николаевны экземпляр «Домика в Коломне». О том, что она была в кругу забот мужа, говорят и его поручения в письмах к ней: «Мой ангел, одно слово: съезди к Плетневу и попроси его, чтоб он к моему приезду велел переписать из Собрания

законов... все указы, относящиеся к Пугачеву». Вот еще один знак того, что Наталью Николаевну интересовали творчество Пушкина, его замыслы, — он пишет ей: «Ты спрашиваешь меня о «Петре»? Идет по-маленьку...» Несмотря на возражение придворных лиц, она распорядилась похоронить поэта во фраке, а не в камер-юнкерском «полосатом кафтане». Другая бы забыла фразу, которую он обронил в одном из писем: «...мало утешения в том, что меня похоронят в полосатом кафтане, и еще на тесном петербургском кладбище, а не в церкви на просторе, как прилично порядочному человеку», — а она помнила.

Сейчас, к радости, появляется все больше публикаций, где жена Пушкина предстает в ином, чем ранее, свете.

Что побудило меня взяться за книгу о Наталье Николаевне? Хотелось выразить свое горячее чувство к ней, оправдать ее в меру моих сил, показать ее моим читателям такой, какой она видится мне, какой, верю, она была в действительности. Побудили меня к этому и читательские письма, которые пришли как отклик на повесть «Под бурями судьбы жестокой...». Одно из них, к слову, было от человека, знавшего сына Пушкиных Александра Александровича. Он прислал мне страницу старого журнала с фотографией Натальи Николаевны, такой ее снимок я увидела впервые. Кстати, после публикации в «Огоньке» глав из книги «А душу твою люблю...» я получила письмо от внучки Нащокина — друга Пушкина.

Как я работала? С душевным трепетом взялась за эту вещь. Очень много трудилась в архивах, перечитала чуть ли не все, что было в печати о Наталье Николаевне, снова побывала в местах, осененных именем великого поэта, связанных с Гончаровыми, Ланскими. За основу взята биографическая канва жизни Натальи Николаевны, но события, эпизоды даны в повести не в их реальной хронологической последовательности, а наплывами, «кусками», так, как они вспоминаются ей, тяжело больной, умирающей. В подзаголовок не случайно вынесено — «Подлинные письма и факты», именно они легли в основу произведения. Я не отходила от тех материалов, например воспоминаний современников, которые меня абсолютно убеждали, но убеждало не все, иное казалось сочиненным, и я не могла смотреть на такое как на документ. Не случайна и следующая часть подзаголовка — «Предположения. Раздумья». Опираясь на факты, я многое домысливала, воображала.

Да, она ездила на балы — молодая, красивая... — но отнюдь не в балах проходила жизнь. За шесть семейных лет с Пушкиным — четверо детей, роды, болезни, заботы матери и хозяйки дома, дела мужа, к которым она была причастна... Она, конечно же, была личностью незаурядной, сочиняла стихи (Пушкин просил «женку» писать ему письма прозой, а не стихами), жаль, что они до нас не дошли. Хотя, кто знает, а вдруг где-то они обнаружатся?

Повесть Агнии Кузнецовой заканчивается такими строками: «В Ленинграде, на старом Лазаревском кладбище Александровской лавры, стоит надгробие, окруженное железной оградой. На надгробии надпись: Наталья Николаевна Ланская. Род. 27 августа 1812 г. Сконч. 26 ноября 1863 г.» Верю, что когда-нибудь, в недалеком будущем, по человеческой и исторической справедливости и фамилии Ланской добавят: «Пушкина». Думается, что многие поддержат это пожелание.

Интервью взяла
Ирина РИШИНА